
Алексей ПАНОГРАФ

КОММУНАРКА

Рассказ

Посвящается отцу моего папы с надеждой и верой в то, что иногда могут случаться и очень маловероятные события во имя добра и справедливости ради

16 июня 1938 года. 07:30

Утренние лучи солнца просеивались сквозь кроны сосен и освещали аккуратно посыпанную песком дорожку, но не грели. Впрочем, в подмосковном июне воздух и так был напитан летним теплом. На траве поблескивала кое-где роса.

Настя шла по тропинке к проглядывавшему вдалеке сквозь деревья одноэтажному деревянному дому, выкрашенному в зеленый цвет. Улыбка не сходила с ее лица. Настю радовало все: и желтый, хрустящий под ногами песок, и пение лесных птиц, и ромашки, видневшиеся на лесной полянке.

Прошла уже неделя с тех пор, как она начала работать на даче у одного важного военачальника. Но самого хозяина так и не видела еще. На второй день даже вышел конфуз. К обеду подъехала машина, и в дом уверенно вбежал молодой офицер. Еще из сеней он громко закричал:

— Мария, чем на обед сегодня угостишь?

Мария эта, жившая от Насти через два дома, и позвала ее в помощницы, потому что работавшая до этого вместе с ней напарница Сонька из их же деревни уже не могла больше ходить за два километра на дачу начальника: подходил срок рожать.

Мария в тот момент в огороде была, а Настя вышла из комнат на крик, смутившись и приняв офицера за хозяина, отвечала, не поднимая глаз:

— Сегодня борщ и котлетки рубленые, Николай Иванович...

Это имя шепотом сказала Насте Мария. Офицер на минуту остолбенел.

— А ты кто? Новенькая?

— Я — Настя.

Она подняла глаза на офицера, и таким он и врезался в ее память: узкое вытянутое лицо, строгая короткая прическа, нос тонкий, длинный с небольшой горбинкой и пронизывающий до самого скелета, словно рентгеновский луч, взгляд серо-голубых глаз.

— Так вот, Нас... Анастасия, забудь это имя и никогда больше не произноси его.

Насте захотелось набрать букет ромашек. А то там вроде все хорошо на этой даче, но уютно и тепла нет. И еще — на ромашке можно будет погадать. Она, осторожно ступая по траве, чтобы не промочить белые носочки, поддетые под сандалии, пошла к полянке.

Алексей Панограф родился в 1964 году в Ленинграде. Окончил ЛПИ им. Калинина, по специальности «механик». Учился в Литературном институте им. А. М. Горького. Публиковался в журналах «Аврора» и «ЛиТегатура» и в сборниках рассказов. Живет в Санкт-Петербурге.

Она уже набрала букет и собиралась вернуться на тропинку, как вдруг услышала, или ей это показалось, глухой вздох, даже скорее хрип, такой какой бывает у тяжелобольного человека.

Настя выпрямилась, прислушалась. Щебетавший до этого без умолку щегол вдруг замолчал. Наверное, увидел достойного поедания червячка. В зыбкой, ненадолго установившейся тишине Настя ясно услышала стон, доносившийся с другого края полянки.

Ей не было страшно. Утренние привычные звуки вновь заполнили лес. Подкрепившись, защебетал щегол. Скрипнула ветка, застрекотал кузнечик. Настя пошла в направлении странного звука. Издали увидела горки свежей земли. «Что это? Зачем здесь копали?» Вспомнила, как десятилетней девчонкой она копала в дальнем конце огорода ямку и в ней хранила свои «секретики».

Вдруг тяжелый, нехороший, захлебывающийся стон раздался совсем рядом. Сначала Настя увидела руку. А потом черное лицо. Она знала, что в Африке живут черные люди и что есть Америка, где черных людей эксплуатируют белые люди. Вспомнила картинку из школьной книжки. Три мальчишки — один похожий на соседского Кольку, второй скуластый, с черными волосами и узкими глазами — тут как раз один такой низкий, кривоногий, молчаливый по хозяйству на этой же даче работает — и третий черный, кудрявый, как соседская Булька, идут под пролетарским красным флагом.

Настя вскрикнула, выронила букет и побежала прочь с полянки. Но споткнулась о корягу и полетела, едва успев выставить руки, чтобы смягчить падение. В голове пронеслись страшилки, которые рассказывали темными вечерами на завалинке мальчишки. Про кладбище, про мертвяков. Но сев на колени, Настя увидела залитую солнцем полянку вокруг себя, белые ромашки и кое-где синие лютики, букашек, торопливо и деловито ползущего по земле муравья, медленно взбирающуюся по травинке божью коровку — вокруг кипела жизнь. И голос щегла, вычирикивавшего, как ей показалась: «Жизнь, жизнь, жизнь!»

А потом уже как будто и не сама, а кто-то другой дергал ее за невидимые нити, быстро-быстро работал ее руками, разгребавшими жирные плодородные комья свежерытой земли. И точно, если бы сама по своей воле и рассудку, хватило бы разве у нее сил выдернуть в итоге, как клубень картошки, его тело из земли и оттащить с полянки под могучие сосны. Потом сбегать до канавы, в которую впадал тонкий ручеек, принести в круглой крышечке от зеркала воды с гулькин нос и намочить его пересохшие губы.

Запачканный подол горошкового платья застирала тут же в ручье, это уже когда в Настино тело вернулась сама Настя и стала обдумывать и руководить своими действиями. Сандалики тоже отмыла от грязи и надела на босу ногу — носочки пришлось снять, изгваздались они все в грязи.

— Ты че припозднилась-то так? — встретила ее Мария, до этого все дни приходившая позже Насти на правах старшей.

Настя только зарделась и не смогла найти подходящего ответа. Мария, видимо истолковав ее смущение и молчание по-своему, хмыкнула и добавила:

— Повезло тебе. Никто еще из них сегодня не выползал. Видимо, ночная была работа.

Обычно раньше всех из стоящей по соседству хибары приходил узкоглазый кривоногий Улукдын, которого здесь звали Дыней. И еще двое было работников, живших там же — угрюмый, молчаливый, бородастый Степан и с залихватским казацким чубом разговорчивый Борька. Он вроде частенько уходил ночевать в деревню, уж не к Марии ли?

— Давай надевай фартук. Посуду иди мой. Они тут ночью понагадили, аспиды окаянные.

Целый день Настя с Марией вдвоем хлопотали по дому. Лейтенант, тот самый с пронизывающим взглядом, не вышел ни к завтраку, ни к обеду...

Мария сказала, что такое у него бывает после ночной работы. Он обычно и оставался тут на ночлег только после ночного. И не надо его беспокоить. Он отсыпается. И не греметь по дому посудой, а пойти в огород да прополоть грядки. И клумбой заняться.

Улукдын вышел около трех. Не поздоровался. Наколот две тачки дров. Отнес в дом, уложил возле печки. Съел тарелку наваристого горохового супа и ушел обратно в хибару.

Совсем под вечер, когда уже уходить, вышел Борька. Рубаха не заправлена, сапоги в грязи. До этого Настя видела его только чистенького, гладенького, как сошедшего с плаката «Даешь коллективизацию!».

Промычал малоразборчиво: «Доброе утро!» А ведь всегда с прибауточками: «А сегодня, во среду, я приду после обеду» — или просто «Добренькое-добренькое утречко, девки».

— Машка, в горле пересохло. Воды дай!

— Ишь раскомандовался, — беззлобно проворчала Мария, подавая ему эмалированный ковш с водой.

Пил жадно, проливая половину на рубаху и штаны. Выпил и обхватил голову, как арбуз на базаре, сдал для проверки.

— О-о-ой! А рассол есть огуречный?

Мария метнулась в погреб. Вернулась с трехлитровой почти пустой банкой. Один огурчик перекатывался на дне в лужице рассола. Борька жадно схватил банку. Запрокинул. Огурец прикатился к горловине. И из-за него вся живительная влага потекла мимо.

— Да египетский шкворень, — выругался Борька, — Чего пустую дала, тащи другую.

— А нет другой, Боренька.

— Да мать твоя курица об колени. О-о-ох.

И опять обхватил мокрыми руками свой чубастый арбуз. Чуб спутавшимися водорослями свисал на глаза.

— Борь, а у меня ж дома в деревне-то еще две целые банки.

— Дак тащи скорее.

Мария заметалась по дому. Бежать так или переодеться? Здесь она работала в черной юбке и белой блузке.

— Сейчас, сейчас... А может, Боря, пойдем в деревню, все одно уж вечереет, так-то оно и быстрее будет, а не то пока я туда, сюда....

— Куда ж я с работы? Хотя сегодня можно. Дело, баба, говоришь. Идем, — прохрипел Борька.

Мария быстро переделалась и через две минуты уже была готова.

— Настя, ты тут все по местам приברי да тоже домой отправляйся, — сказала она, когда уже под руку с Борькой, принаравливаясь к его нетрезвой походке, шла по дорожке от дома.

Настя дождалась, пока они скрылись из виду, наскоро расставила в доме по местам посуду, вымыла банку из-под огурцов и наполнила ее водой. Переделалась в высохшее платье и выскользнула из дома. Глянула на хибарку. Тихо. Никого. Пошла быстрым шагом по песчаной дорожке, прижимая к животу трехлитровую банку. Дойдя до того места, откуда была видна полянка, свернула и пошла, аккуратно ступая, словно боясь наступить на что-то неприятное. Дошла до рассыпанных и уже пожухших ромашек, собранных утром. Заметила, что образовалась ямка в том месте, где она откопала его, поровняла так, чтобы не было заметно. Зашла в лес, к сосне. Мужчина так и сидел, как его оставила утром Настя, прислоненный к стволу. Настя всмотрелась в него. Даже

несмотря на черное, запачканное землей лицо, было видно, что он молодой и красивый — лет двадцать пять — двадцать семь, не больше. Настя опустилась на колени рядом с ним, почувствовала, что он дышит, хотя и очень неровно, обмыла ему лицо, положила банку ко рту и залила в него немного воды. Веки у мужчины дернулись, но глаза он так и не открыл.

Июньский вечер. Было еще совсем светло. Настя попыталась усадить раненого удобнее, но он застонал, и она не стала его больше понапрасну трогать. Настя сидела возле него и тихо плакала. Ей было страшно и хотелось домой. Она ничего не понимала и не знала, что делать, но другая Настя, сидевшая где-то внутри нее, молотком выстукивала ей в мозг, что она не сможет потом дальше спокойно жить, если бросит здесь сейчас умирать этого совершенно незнакомого ей человека. Понемногу успокоившись, она поняла, что будет делать, и уже неспешно и тихо пошла к песчаной дорожке, которая вела к воротам в высоком глухом заборе, окружавшем и дачу военачальника с хибаркой работников, и огромный кусок леса, на котором уместилась бы добрая половина их деревни, а то и вся целиком.

Дома бабушка возилась у плиты. Они жили вдвоем. Отец Насти по пьяному делу свалился с лошади, когда Насте было двенадцать. Год пролежал парализованный и помер. Мать тянула дом со свекровью в придачу, пока Насте не исполнилось семнадцать, а потом уехала в Москву к Петру, который был последние три года до этого ей воскресным мужем. Полтора года назад это было.

— Настасья, ты? Устала? Но на колодец сходи, вода совсем закончилось.

— Хорошо, ба.

В июне ночь короткая. Баба Соня пошла спать еще светло было. А Настя, дождавшись, когда стемнеет, взяла в сенях большую брезентовую накидку-плащ и вышла из дома. По деревне шла, словно вор, кралась, чтобы остаться незамеченной. Но деревня уже спала, а завалинка, на которой собиралась молодежь, находилась в другом конце.

Когда заходила на территорию усадьбы, калитка скрипнула, и сердце Насти бешено заколотилось. Было страшно. Но она пошла по дорожке, а потом свернула в лес. Ночью натянуло облаков, так что и луну не было видно. Все было по-другому, чем днем. Она дошла до сосны, но рядом с ней никого не было. Нет, наверное, не та сосна. Где он? Неужели? Стала ходить от дерева к дереву, пока вдруг под ногами что-то не звякнуло. Она наткнулась на банку. И тут же рядом раздался стон, и она разглядела на земле темное бесформенное тело. Видимо, он пытался ползти. Настя расстелила рядом брезентовый плащ, переكاتила на него тело. Потом догадалась отнести банку к месту со свежекопаной землей. Разбила ее камнем, присыпала землей осколки. Ухватилась за край брезента и потащила волоком.

15 июня 1938 года. 18:10

Загремел засов. С привычным грохотом откинулось окошко раздачи и повисло на двух цепочках, образуя маленький столик прямо на двери.

— Заключенные по нарам, — раздалась обычная команда.

Все заключенные в камере разбрелись по нарам, кроме Долговязого. Он остался стоять, прислонившись к стеночке.

В окошке показалась голова надзирателя.

— А ты не понял? Сказал — все.

— Так я ж все равно первый в списке.

— Не умничай! Если бы...

И уже голосом глашатая:

— Антипин!

Долговязый подошел к окошку, где его уже ждал алюминиевый поднос. На нем — миска с чем-то вроде жидкого пюре, кусок жилистого мяса на кости. Рядом горка из пяти-шести кусков хлеба. Кружка с чаем.

— Валуев!

У него было все то же, только без мяса и хлеба был один кусочек. У следующего так же. Когда выкрикнули «Грибов» и Алексей подошел за своей пайкой, то у него оказалась порция, как у Антипина. Только им двоим принесли мясо и дали много хлеба.

Когда окошко закрылось, щуплый Витяй вскочил и подбежал к Алексею.

— Это что за дела? Почему с мясом? Что, день рождения, что ли? А хлебом не подавишься?

И он схватил кусок хлеба с подноса Алексея, прежде чем тот успел что-то ответить.

— А ну положил на место! Шакал! — раздался на всю камеру властный голос Бори Семь на Восемь.

— А чего все ему? — попытался возразить Витя, но хлеб тут же положил обратно на поднос.

Вместо Бори ответил пожилой очкарик Ильич.

— Сегодня два именинника у нас. И радуйся, Витя, что ты не в их числе.

16 июня 1938 года. 23:40

Как ни старалась Настя действовать тихо, а бабушка проснулась.

— Ай! И что ты удумала себе? А вдруг как он бандит какой или разбойник? Хорошие-то люди, поди ж, ночью по лесам не валяются с дырками в груди, — причитала бабушка.

Но помогла и соорудить за печкой лежанку из матраца, и промыть-обмыть от крови и земли, и перевязать, и переодеть. Одна бы Настя не справилась.

— Дохтура ему надо. Куда он в крови весь. Израненный.

Но что-то подсказало Насте: не надо доктора.

— Ба, да ты же сама врачуешь не хуже доктора. У тебя и травы от всех болезней заготовлены, и настойками весь погреб заставлен. Ты лучше любого лекаря.

— Это точно. Нынче дохтура, особенно из молодых, ничего не смыслят... Ладно, выхожу твоего героя. Симпатишный он.

Трое суток подстреленный гость ходил по берегу реки Стикс, высматривая Харона. Метался в жару. Бредил. Иногда забывался коротким беспокойным сном. Баба Соня варила отвары. Настя по ночам обтирала его горячее тело спиртом, поила отварами, смазывала кровавые раны бабушкиными мазями. Утром невыспавшаяся бежала работать. Мария несколько раз подначивала:

— Когда познакомишь со своим женишком? Подруга я тебе али нет?

Настя отмалчивалась. Никакой подругой Мария ей не была. На третий день Настя попросила выходной. Мария, видя, что помощница совсем спала с лица — темные полукружья очерчивали Настины серо-зелные глаза на бледном, осунувшемся лице, — решила: пусть отдохнет, особенно утвердившись в этой мысли, когда тарелка выскользнула из Настиных рук, но, по счастью, не разбилась, упав на тряпку.

Третью ночь подряд Настя растирала тело незнакомца, изучив его за это время в подробностях, как узоры из трещин на потолке над кроватью, которые невольно рассматривала перед сном. Теперь каждый раз, когда ее ладошка с намоченной спиртом тряпочкой прикасалась к круглому коричневому пятнышку величиной с копей-

ку, находившемуся под его левой грудью сбоку, где-то в животе у Насти начинали бегать мурашки, и она улыбалась внутренней несмелой улыбкой, вспоминая, как первый раз пыталась оттереть эту родинку, приняв ее за налипшую грязь. Кожа его была в остальных местах чистая, гладкая и совсем без волос. Настя вспомнила, что у ее отца, напротив, была густо заросшая волосами грудь.

Два круглых кровавых кратера с неровными краями — один как раз выше левой груди, а второй справа пониже — нарушали гармонию этого тела, очень напоминавшего Насте картинку из школьного учебника, на которой был изображен кучерявый юноша, придерживающий что-то перекинутое через плечо. Как звали того нарисованного каменного красавца, Настя не помнила, но было это на уроке истории, когда проходили про Древнюю Грецию. Картинка эта врезалась Насте в память, потому что Колька, сосед по парте, пока учительница что-то рассказывала, пририсовывал карандашом на месте невнятно изображенного фигового листочка обнаженному красавцу то, что было положено мужчине природой.

Когда они с бабой Соней еще в первую ночь обмывали тело Грека, так назвала незнакомца про себя Настя, бабушка велела его раздевать полностью, и он предстал ее глазам весь обнаженный, как тот греческий герой вместе с пририсованной Колькой частью.

Три бессонные ночи все-таки сделали свое дело, и Настя сама не заметила, как прилегла и тут же заснула на матрасе рядом с Греком, прижавшись к нему и обхватив рукой, чтобы не скатиться с лежанки.

Июньские лучи солнца рано заглянули в окошко и разбудили Настю. Она сначала ужаснулась тому, что заснула на своем медицинском посту, а потом тому, что лежит, прижавшись всем телом к незнакомому мужчине.

Он лежал с распахнутыми во всю ширь глазами, оказавшимися темно-коричневого цвета, и рассматривал Настю, печку и маленькую иконку, которую бабушка повесила на стену над матрасом на следующее утро после появления незнакомца в доме. На иконке — маленькой деревянной копии — был изображен святой Пантелеймон, бывший в миру до того, как стал великомучеником и святым, лекарем. Хотя бабушка и верила в действенную силу трав, не зная, конечно, химии и ботаники, но на житейском практическом уровне понимавшая, как свертывается кровь и снимается жар, все же считала, что без божьей помощи в сложном деле не обойтись.

Настя порывисто вскочила с лежанки и, не зная, за что хвататься, от смущения стала попеременно разглаживать то замявшийся подол платья, то растрепавшиеся золотистого цвета волосы. Наверное, она бы стала первой красавицей в деревне: ладная фигура, не худая, но без лишнего жира, с плавно изгибающимися линиями везде, где положено; круглое лицо — такое ценится среди деревенских — с ямочками на щеках и вздернутым маленьким носиком; необычный золотисто-рыжий цвет волос — все это пророчило ей популярность у парней, если бы не... Если бы ее отец, когда Насте было два года, не уронил ее одним воскресным утром. Руки с похмелья не слушались. И маленькая Настя порвала верхнюю губу. И случилось это на Пасху, поэтому бабки в деревне шептались: «Порченая». Рана заросла, конечно, но губа стала «заячья». И поэтому в свои восемнадцать Настя впервые в то утро почувствовала на себе взгляд мужских глаз с такого близкого расстояния.

— Вас как зовут? У вас ничего не болит? Меня Настя зовут, — начала невпопад таторить она от волнения.

— Пить...

— Петя?

— Пить... пить... — без голоса, одними губами повторял Грек.

— А, пить? Да, сейчас, конечно...

Он жадно выпил из алюминиевой пол-литровой кружки, проливая на грудь.
— Алексей я. Спасибо тебе, Настя.
И снова закрыв карие, почти черные глаза, провалился в сон.

16 июня 1938 года. 00:20

Ночью конвоиры увели Алексея и Долговязого. Спускались по лестнице, шли по коридору. Два раза открывали решетчатые двери.

Вдруг неожиданно остро и пьянще в лицо ударил свежий воздух. Полгода в застенках. Хотелось стоять и просто дышать этим воздухом, но толчок в спину прикладом, и пришлось лезть в кузов крытого брезентом грузовика, стоящего почти вплотную к двери. Там уже было человек пятнадцать. После них залезли еще четверо, и грузовик поехал.

Алексей знал умом, что это произойдет, но когда и как? Сколько прошло дней с того момента, когда судья, у которого периодически нервно подрагивал левый глаз, сидящий между двух ничем не примечательных коллег, зачитал приговор — расстрел! Алексей не считал дни. Немного — два или три. В камере жизнь отсчитывается от кормежки до кормежки.

Он не мог воспринять и сопоставить себя, двадцатилетнего молодого специалиста-картографа, успешно окончившего полтора года назад Плехановский институт, у которого за две недели до ареста родился сын в Ленинграде, где жила его жена Нина, и он уже хлопотал и разговаривал с начальством, чтобы выделили вторую комнату для его семьи, с этим коротким и резким словом смерть. Даже слово расстрел со звенящей на конце, словно колокольчик, буквой «л» не связывалось воедино со смертью, с концом всего. Какой конец, когда все только началось? Еще и двух лет не прошло, как они встретились с Ниной летом на каникулах, оба приехавшие в свои родные деревни в Костромской губернии — он из Москвы, она из Ленинграда. И он решил, что женится на Нине, несмотря ни на что, не сказав об этом даже братьям.

Привезли их в подмосковный лес.

— По одному выходить. Называть фамилию, имя, статью.

Алексей спрыгнул из грузовика вслед за Антипиным.

— Грибов Алексей. Статья пятьдесят восемь, часть восемь.

Было ощущение, что их привезли в лес на какую-то нехитрую работу. Деревья повалить, дрова заготовить. Но почему ночью, почему в сумерках? Только благодаря тому, что была середина июня, не было такой кромешной темноты. Их подтолкнули к краю неглубокой, наспех вырытой ямы.

Кто-то из осужденных громко проговорил:

— Наше дело правое. Палачи еще поплатятся за нашу смерть.

Другой голос соседа:

— За что? Не хочу... — и, толкнув плечом Алексея, попробовал бежать.

В этот момент прозвучала короткая команда: «Огонь!»

21 июня 1956 года 15:25

Июнь 1956 года в Ленинграде получился теплым, по северным меркам, даже можно сказать, жарким. Сирень цвела и благоухала по всему городу. Стены каменного здания на Литейном за несколько жарких дней пропитались теплом и добавляли жару к дневному солнцу, плохо сдерживаемому плотными занавесками, доставляли мучения подполковнику Кузнецову, занимавшему кабинет на третьем этаже с окном, выходившим на южную сторону. Стрекотавший вентилятор не спасал.

— Александр Петрович!

— Аусь? — тепло, по-домашнему отозвался подполковник.

Кузнецов обмахивал себя свежим номером «Ленинградской правды». В кабинет зашла молоденькая стажерка Зоя.

— А какую дату ставить в справку о смерти Грибова?

— А Москва что, не дала сведения? Он же московский.

— Да, московский. Но сын здешний. Запросил справку о реабилитации отца. Готовим. И свидетельство о смерти нужно сделать.

Александр Петрович посмотрел в выписку из дела. Алексей Михайлович Грибов арестован 11 декабря 1937 года. Теплая липкая духота мешала сосредоточиться.

— Напиши — 7 мая 1939-го, — назвал он наугад пришедшую на ум дату. — И причина смерти — не установлена. Сыну справку в районный загс выпиши. Он по ней там получит свидетельство о смерти. А данные по реабилитации отправляй в Военную коллегия Верховного суда. Они на бланке своем справку ему сделают.

Конец июня 1938 года

Алексей пошел на поправку. Два навывлет ранения под воздействием бабушкиных отваров и мазей оказались все-таки совместимыми с жизнью, и он, побалансировав на грани, склонил чашу весов в сторону света, а смерть отступила под пристальным взглядом святого Пантелеймона.

Алексей вставал пока только в туалет, продолжая оставаться все время в убежище за печкой. Вечерами, когда Настя приходила с работы, она сидела рядом с ним, и он рассказывал ей о Москве и Ленинграде. Настя, кроме соседней деревни, нигде не бывала. А Алексей, сам тоже деревенский из Костромской области, уже отучился в институте Плеханова в Москве, бывал в Ленинграде, студентом на практику ездил в Тюмень. Для Насти Тюмень, Сибирь, Ленинград — это все было что-то вроде тридевятого царства, в которое попадают только принцы да иванушки-дурачки.

Алексей рассказал очередную историю из студенческой жизни, о том, как на первом курсе им пришла в голову идея перед экзаменом написать на потолке в аудитории, где будут сдавать историю, разные даты из билетов, чтобы не запоминать их, а если забудешь во время ответа, то глянуть на потолок. Целая операция была — потолки-то в аудитории высокие. Но экзамен в последний момент перенесли в другой класс. Настя смеялась. Он вдруг взял ее ладонь, поднес к губам и поцеловал. Настя попыталась выдернуть ладошку, но он не отпуская.

— Ведь эти маленькие ручки спасли мне жизнь.

— Но... Вы же женат...

Алексей рассказывал, что в Ленинграде у него сын Юрка, которому теперь уже восемь месяцев, а видел он его ровно один раз, когда приехал из Москвы встретить из роддома жену Нину с малышом.

Настя покраснела, и Алексей выпустил ее маленькую, но совсем нехрупкую ладошку.

— Мне надо...

Настя резко встала со скамьи и вышла, так и не придумав, что ей надо. В спальне она поднесла к лицу руку и приложила губы туда, где ее поцеловал Алексей. А потом слезы сами полились из ее глаз, и она не понимала, что это за слезы и почему она плачет.

Ниша за печкой хоть и была неплохим укрытием, но к бабушке иногда заходили соседки. Она, конечно, вела их на скамеечку под окном, но все же печка была в просторной кухне сразу за сенями, и каждый проходящий, только войдя в хату, упирался взглядом в печь. Бабушка и Настя решили, что лучше пусть раненый будет в Насти-

ной комнате. Туда никто не заходит. Там и светло днем, нельзя же человеку все время в полумраке.

— А у тебя есть что-нибудь почитать? — спросил Настю Алексей, скуцавший теперь днями без всякого дела.

В доме, кроме бабушкиной Библии, книг не было. И Алексей начал читать Евангелие.

У Насти в комнате стояла широкая, бывшая родительская кровать. Так она с Алексеем очутилась в одной постели. Алексей не прикасался больше к ней. Она ложилась с краю на бочок спиной к нему и засыпала после очередного трудового дня. А Алексей подолгу не мог заснуть, думая о своей жизни, которая теперь казалась уже жизнью после смерти, жизнью в другом мире, другой жизнью. К прежней ведь не было и не могло быть возврата. Все полгода в тюрьме — и когда бил следователь, и когда хотелось выть от безысходности, уткнувшись в грязную жесткую подушку на нарах, — он повторял про себя: «Юрка, Юрик, Юрочка, сынок...»

Не было больше обратной дороги ни в Ленинград к Нине, ни в Москву, ни в родную деревню Евлево. Нина немного обиделась, что он не захотел после окончания Плехановки переехать жить в Ленинград. Но его по распределению оставили в Москве, и работа была интересная, карьера начиналась, открывались перспективы. Да и все произошло так стремительно, что Алексей просто не успел договориться с Ниной, как и где им лучше будет жить. Он хотел, чтобы они с Юркой переехали в Москву.

«На наших картах еще столько белых пятен», — любил многозначительно повторять руководитель отдела картографии Семен Борисович.

Вот такая вот карьера. А может, если бы послушался Нину, переехал в Ленинград, то сейчас бы держал над головой Юрку, подкидывал бы его и ловил. Юра бы радостно хохотал, а Нина одергивала: «Леш, ну прекрати. Хватит». Да нет. Добрались бы они до него и в Ленинграде.

А Настя ощущала с удивлением какие-то новые, неведомые ей до сих пор чувства. Она ловила себя на мысли, что все время думает о греческом боге Алексее, о его негреческой кучерявой челке, спадающей на лоб, и о том, что нестерпимо хочется пригладить эту непослушную челку. И еще хочется опять ощутить свою ладошку в его крепких руках и почувствовать прикосновение к ней его губ. Тогда, когда он лежал без сознания, она беспрепятственно могла дотрагиваться до его тела и уже начинала влюбляться в него, а теперь, когда он ожил, так притягательно и страшно было к нему прикоснуться, но она не смела. Вот если бы он не рассказал про Ленинград... А так — стыдно. Но разве стыдно любить?

1 июля 1936 года

Автостанция в городе Буй находилась тут же рядом с железнодорожным вокзалом. Неторопливой походкой вразвалочку Алексей шел по платформе. Широкие прямые черные брюки, белая рубаха навыпуск, перетянутая ремнем, с воротом стоечкой и, конечно, кепка, купленная в комиссионке, — гордость и краса. Не однотонная серая и не в стандартную клетку, а в полоску трех цветов: темно-синий, белый и серый, и соседние полоски — все разной ширины. Таких больше не было. На его кепку и в Москве заглядывались. А еще вьющаяся челка, спадавшая на лоб из-под кепки почти до самых темно-темно-карих глаз, разделенных орлиным носом.

Он шел неторопливо, зная себе цену, разглядывая людей на платформе. Действительно — торопиться некуда. Впереди два месяца летних каникул — последних студенческих каникул. Потом практика, экзамен по специальности, диплом и все. Здравствуй, новая жизнь. Он решил отдохнуть перед этим последним рывком и сразу после

сессии сел на поезд и поехал домой. Его родная деревня Евлево была в пятидесяти километрах от райцентра Буй в Костромской области. От Буя до Сусанино на автобусе, а там через балку пешком недалеко.

Проходя через вокзал, он обратил внимание на стройную девушку, сидевшую на скамейке. Она прямо держала спину, платье хоть и недорогое, но по моде темно-синее в мелкий цветочек. А волосы собраны под кокетливую шляпку. Но нет, проходя ближе, он понял, что это была не шляпка, а как-то очень хитро повязанный платок с красивым узлом, похожим на розочку.

Дойдя до автостанции, Алексей узнал, что до отхода автобуса в Сусанино еще два часа, купил билет и решил вернуться на вокзал взять чего-нибудь перекусить.

— Бутылку ситро и пирожок с капустой.

Тут в поле зрения Алексея снова попала девушка в хитро повязанном платке, и он вдруг сказал:

— Два пирожка и ситро тоже две бутылки.

И направился напрямик к скамейке, где сидела девушка.

— Не разделите со мной скромный обед? Я — Алексей.

Нина не отказалась. Она уже час как приехала из Ленинграда. Там, как и Алексей в Москве, заканчивала обучение в институте на химика-технолога и ждала теперь свой автобус в родное село Контеево, куда приехала тоже на последние студенческие каникулы.

Вот так они и познакомились. А еще через два дня, к неудовольствию братьев, Алексей сказал, что съездит на пару дней в райцентр, а сам махнул в Контеево.

Два месяца, из которых Алексей половину времени провел в Евлеве, а половину в Контеево у Нины, мотаясь туда-сюда, пролетели незаметно. Каникулы заканчивались, и скоро предстояло разъехаться: ей в Ленинград, а ему в Москву и оттуда сразу в Тюмень на преддипломную практику.

В конце августа Алексей, уже перезнакомившийся со всей Нининой родней, предложил съездить в его деревню. У Нины в Сусанине жила родственница, и они поехали. В Сусанине вместо того, чтобы сразу выйти на проселок, ведущий к Евлево, Алексей начал водить Нину по городку и рассказывать истории, которые с ним случались тут и там. Здесь они подрались с местными стенка на стенку, а здесь с братьями решили прокатиться на тракторе, оставленном трактористом. Завели с толкача и покатали, а тракторист услышал гул мотора, выскочил из дома... Ему тогда двенадцать было, а старшему из братьев шестнадцать. Тракторист хотел их уже в милицию вести. Но жена его пожалела мальчишек и отговорила.

Незаметно они очутились у входа в здание с красным флагом над дверью.

— Давай зайдем, — сказал Алексей.

На двери висела табличка: «Загс Сусанинского района». Алексей прямо посреди пыльной улицы, по которой пастух гнал с десятка два коров, на глазах у изумленного стада встал на колено.

— Выходи за меня замуж.

Он достал из кармана платок. Развернул его. На тряпочке лежали две небольшие серебряные сережки, поблескивая на солнце красными рубиновыми камушками.

— А кольцо я тебе куплю. Сейчас вот прямо пойдем и купим.

Так они и расписались. А потом действительно пошли к еврею-старьевщику и сторговали у него тоненькое, но настоящее золотое колечко.

После еще долго бродили в обнимку по Сусанино, и только когда начало темнеть, пошли через балку в Евлево. Братья не очень одобрительно посмотрели на Нину, и Алексей не сказал им, что это не просто Нина, а его жена. Братья-то сватали ему

Варьку, подружку по детским играм, с которой он начал гулять перед отъездом в Москву. А тут какая-то Нина из Контеева.

Через день Алексей поехал в Буй провожать Нину на поезд в Ленинград. Собирался еще вернуться в Евлево на последние два дня перед своим отъездом в Москву. Но когда поезд тронулся и Нина уже перестала махать ему через окошко в двери тамбура, вдруг, сам не ожидая от себя такого, запрыгнул на подножку последнего вагона. Проводница долго ворчала и грозилась высадить зайца на ближайшей станции. Сбежала до начальника поезда. Но когда те вместе пришли разбираться с нарушителем, то уже весь вагон просил за молодоженов. Такое вот у них свадебное путешествие получилось.

В Ленинграде, гуляя по набережным рек и каналов, дошли до Поцелуева моста. И после долгого-долгого поцелуя пристегнули, заперли свою любовь, повязав на ограде крепким тройным узлом шелковую косыночку. А потом взялись за руки и побежали. Весело и хорошо им было тогда. И Ленинград, и весь мир казались прекрасными.

Июль 1938 года

Настя пришла с работы. Алексей спал. Она присела на кровать и смотрела на римский профиль своего Грека. Муха, покружившись, села ему на лоб. Настя поднесла руку, чтобы смахнуть муху, и нечаянно, а может и не совсем, провела ладошкой по его волосам и щеке, гладковыбритой. «Да он же побрился сегодня». Настя улыбнулась.

Действительно, пока Насти не было, Алексей, увидев в зеркале свое неопрятно заросшее, осунувшееся, серое лицо, кухонным ножом соскребал со щек и подбородка щетину.

Он проснулся, резко открыв глаза. А может, только притворился спящим? Настя не успела убрать руку, покраснела.

— Я муху отгоняла, — пролепетала она.

— Оказывала мне медвежью услугу? — с лукавой улыбкой спросил Алексей.

— Это как? — не поняла Настя.

— Ну, сказка есть такая про медведя и мужика. Проиграл медведь мужику спор. Мужик и говорит медведю: «Ну, я теперь спать буду, а ты мне услугу окажи — мух да комаров от меня отгоняй». Сидит медведь возле спящего мужика, лапами машет — мух отгоняет, а одна назойливая все вокруг вьется да садится мужику то на лоб, то на нос, то на щеку. Устал медведь лапами махать и решил покончить с мухой. Взял дубину поувесистей, дождался, пока муха на лбу у мужика затихла, да как саданет...

— Да я же... — сначала растерялась Настя, а потом непринужденно рассмеялась вместе с Алексеем.

— А я сегодня ножи вам наточил, а то тупые они у вас, не побриться толком. Как получилось-то хоть?

— Да... очень гладкая щека... — зарделась Настя.

— А мне показалось, что это у тебя ладошка такая гладкая и легкая, как пушинка. До сих пор не понимаю, как ты меня из леса доволокла.

— Страх силы придавал.

— Да уж, если бы тебя с такой ношей застукали, то тебя бы...

До этого в их разговорах тема той ночи и почему Алексей оказался на территории усадьбы, наполовину закопанный, не поднималась. Он только сказал ей никому о нем не говорить, да Настя и сама это понимала.

— Я тогда боялась, только чтобы ты не умер, — вдруг неожиданно для себя назвала Настя Алексея на «ты». И почувствовав, что как-то это слишком откровенно про-

звучало, добавила, понижая градус: — Страшно было ночью один на один с мертвецом остаться.

— А я в детстве тоже боялся мертвецов, — сознался Алексей. — До шести лет. Меня все братья старшие подначивали. Рассказывали страшилки перед сном, поэтому я кладбище обходить стороной старался. А оказалось, что живые люди куда страшнее мертвецов. Волков страшнее. Я раз в лесу у нас повстречался по осени с волком. Мне пятнадцать тогда уже было. Грибы собирал. И вдруг хруст слышу. Смотрю, а там волк метрах в тридцати стоит. И на меня смотрит. Зубы скалит, голову немного к земле пригибает. Я потихоньку отступать стал, не сводя с него глаз. Он тоже двинулся в мою сторону. Скалится, щерится. А я глазами шарю, где бы дубину покрепче взять. Отступаю. Спинай сухую ветку зацепил. С треском сломал ее. Волк шархнулся от резкого звука. А я эту сушину и подобрал. Волк проводил меня еще метров пятьдесят, но нападать не стал. Время еще не голодное было — начало осени. Да и один он был. Страшна стая. Голодная стая. Так же и люди. Когда в стаю сбиваются, то свой разум теряют, просто идут за вожаком и творят такое. Ты ж понимаешь, что я ни в чем не повинен?

Глаза Алексея увлажнились. Комочек подступил у Насти к горлу. Рука ее сама потянулась, и Настя дрожащими пальцами погладила Алексея по гладкой щеке... С того момента невидимая граница, разделявшая их на большой кровати, перестала существовать.

К концу лета Алексей совсем окреп, раны на груди затянулись, и он все больше и больше тяготился своим положением затворника-иждивенца. А куда он мог податься? Чтобы не сидеть совсем без дела, он начал вырезать из дерева ложки, мастерить деревянные игрушки и детские свистульки.

Настя понимала теперь, в каком страшном месте она работает, но, чтобы не вызвать пересудов и подозрений, продолжала ходить в зеленый дом за высоким забором помогать Марии. Но теперь она с ужасом ходила по желтой песчаной дорожке, ведущей от ворот к домику, и ни утреннее солнце, ни пение птиц не могли развеять ощущения, что она идет по страшному заколдованному лесу, где каждое дерево может вдруг превратиться в Лешего или Кощея. С отвращением относилась и к узкоглазому Улукдыну, теперь его щелочки-глаза казались страшными пустыми глазницами, и к Борьке с его прибаутками, превратившимися в дьявольские насмешки, и к бородатому Степану, чья угрюмость казалась хуже самой смерти. К Марии относилась настороженно. Так и не поняв, знала она о том, что делалось здесь по ночам или нет. С Борькой-то точно спала, а тот спяну мог и сболтнуть лишнего.

25 мая 1989 года

Весной 1989 года пятидесятидвухлетний доцент Ленинградского политехнического института направил запрос в Военную коллегия Верховного суда СССР и вскоре получил ответ, датированный шестнадцатым мая того же года.

Исп. вх. 02623

Гражданину Грибову Ю. А.

Юрий Алексеевич!

На Ваше заявление в КГБ СССР могу сообщить, что Ваш отец Грибов Алексей Михайлович арестован 11 декабря 1937 года, осужден Военной коллегией Верховного суда СССР и приговорен к расстрелу с конфискацией имущества. Он был признан виновным в том, что якобы с 1933 года являлся участником антисоветской террористической организации правых, существовавшей в Институте народного хозяйства им. Плеханова, и входил в группу, подготавливавшую совершение террори-

стических актов в отношении руководителей Коммунистической партии и Советского правительства. Приговор приведен в исполнение 16 июня 1938 года в г. Москве на полигоне Коммунарка.

Ранее Военная коллегия Верховного суда СССР предписывала органам МВД дать указание соответствующему органу загса о регистрации смерти Грибова А. М., как наступившей 7 мая 1939 года при невыясненных обстоятельствах.

Нами приняты меры к перерегистрации даты смерти Грибова А. М. В отдел загс Мосгорисполкома (г. Москва, ул. Грибоедова, д. 10) направлено соответствующее предписание. Получить новое свидетельство о смерти Грибова А. М. Вы можете, представив старое в отделение загс.

Более полные сведения Вы, возможно, сможете получить в учетном архивном отделе КГБ СССР, где хранится дело Грибова А. М.

Начальник секретариата Военной коллегии Верховного суда СССР А. Никонов

Юра положил это письмо в коробочку из-под печенья курабье, где он хранил документы об отце. Еще студентом в конце пятидесятых он получил справку о реабилитации Грибова А. М., выданную Военной коллегией Верховного суда СССР, датированную шестым сентября 1958 года. Там же лежала короткая справка от того же числа, гласившая, что приговор по отношению Грибова А. М. *по вновь открывшимся обстоятельствам отменен за отсутствием состава преступления*. Еще свидетельство о смерти Грибова А. М., выданное отделом загс Калининского района Ленинграда, где в конце пятидесятых Юра с со своей мамой Грибовой Ниной Васильевной жил на улице Комиссара Смирнова в комнате в коммунальной квартире. И свидетельство о расторжении брака между Грибовым А. М. и Грибовой Ниной Васильевной, выданное 20 февраля 1950 года. Нине посоветовали тогда оформить развод. Война закончилась, а репрессии нет. Лучше отмежеваться. Да и Алексея уже не воротить. Двенадцать с лишним лет прошло. Тем, кому давали десять, начинали возвращаться.

— Да и молодая ты еще, Нинка. Юрка уже подросток. Вон смотри, как наш завлаб на тебя заглядывается.

Говорили ей подружки-сослуживицы.

И в 1950 году ей оформили развод с давно умершим человеком. И стала Нина не вдовой «врага народа», а просто разведенкой. Свидетельство о смерти отца Юра получил позже. Для получения свидетельства о смерти бывшего «врага народа» потребовалась смерть бывшего «отца народов».

Свидетельство о смерти
I-ЮБ № 023096

Гр. *Грибов Алексей Михайлович*
умер(ла) *7 мая тысяча девятьсот тридцать девятого года*
возраст *1911 г. рождения*.
Причина смерти *не установлена*,
о чем в книге записей актов гражданского состояния о смерти
1956 года *ноября* месяца *23* числа
Произведена соответствующая запись за № 35.
Место смерти: город, селение (*прочерк*)
район (*прочерк*) область, край
республика (*прочерк*)
Место регистрации: Ленинград
Калининский о/загс
Дата выдачи *23 ноября 1956 г.*

Заведующий бюро актов гражданского состояния (*подпись*)

Юрий Алексеевич поехал на ночном поезде в Москву. Белые ночи уже всюю вступали в свои права, и из вагонного окна в купе лился неяркий свет серо-оранжевого заката. Юра и раньше много думал о своем отце и в детстве, и позднее. Безотцовщина, конечно, не делала его каким-то особенным или не таким, как все: тогда в послевоенные годы неполных семей было много, но все равно ему хотелось знать хоть что-то о папе, которого он ни разу не видел.

Мать Нина очень мало и неохотно говорила о нем. Страх, который в предвоенные годы вошел до самых печенок во многие советские семьи, не вытравили полностью ни тяжесть и голод военных лет, ни радость победы и окончания войны. И для Юрки отец был овеян ореолом таинственности. До пятьдесят третьего года Нина скупко говорила сыну, что его отец погиб на советско-финляндской войне, когда Юра был еще совсем младенцем. Но как погиб? Где похоронка? В каких войсках служил? А есть ли кто-то, кто воевал вместе с ним и может что-нибудь рассказать о смерти отца? Были же у него боевые товарищи? Многие мальчишки тогда рассказывали выдуманные, а иногда, наверное, и правдивые истории про героические смерти своих отцов на войне. Но мама не могла дать ему ответы на эти вопросы.

Сохранилась лишь одна фотография Алексея — красивый молодой мужчина с волевым лицом и дерзким взглядом. На лацкане пиджака значок парашютиста. Поэтому Юрка решил тогда для себя, что отец был летчиком. Из-за этого значка он с детства мечтал прыгнуть с парашютом. В двенадцать лет он пошел в школу ДОСААФ, но там ему объяснили, что для прыжков с парашютом надо немного подрасти, а пока предложили походить в авиамодельный кружок. И он пошел. Клеил самолеты. Тоже авиация. Так поближе к отцу. Запускал разные модели планеров и самолетов с моторчиком. А с парашютом вот так как-то и не довелось прыгнуть.

Сейчас, когда проплывающий за окном Ленинград медленно погружался в дымку белой ночи, Юра думал об отце по-новому. В голове крутились слова из письма «приговорен к расстрелу», «приведен в исполнение». И хотя это было, наверное, ясно и раньше, но детям своим он говорил вслед за матерью ту же легенду, что дедушка погиб на советско-финляндской войне. Говорил так, чтобы им легче жилось, чтобы радовались счастливому советскому детству и не задумывались о врагах народа, о репрессиях, о реабилитации этих самых врагов. На уроках истории про это ведь умалчивали. Так, лишь вскользь говорили об ошибавшихся коммунистах: Каменеве, Зиновьеве, Бухарине. А все больше об успешных пятилетках, о победе индустриализации и коллективизации.

Но сам Юра-то не забыл, как в шестом классе, когда их просили рассказать о своих отцах и дедах, он тоже поднял руку. Но когда учительница стала спрашивать, где отец погиб, в каких войсках служил, Юра смутился и не смог ничего толком ответить. Вечером того же дня еще раз стал приставать к маме с вопросами.

— Неизвестно ведь точно, что он погиб? Да, мама?

— Отец твой пропал без вести. Я на развод с ним подала. Так и говори, что пропал без вести. Не известно ничего о нем.

— Мама, а он не был троцкистским шпионом?

— Нет, Юра, не был, — как-то не очень убедительно ответила Нина сыну.

Все равно где-то в глубине души у Юры жила смутная надежда, что папа жив, что в один день он придет из школы, а за столом сидит он, этот красивый мужчина со значком парашютиста на лацкане. Что он пожмет крепко по-мужски Юркину руку. Они сядут рядом на диване, и он будет рассказывать о том, как жил эти годы и что делал, а Юрка расскажет о том, как делает самолеты в авиамодельном кружке, и о драке, где его полоснул ножом пацан с соседней улицы. И в оправдание он, Юрка, скажет отцу,

что тот пацан был на год старше и здоровенный такой. И отец приобнимет его за плечи и скажет: «Ничего, Юрка. Всяко в жизни бывает. Главное — не бояться».

И действительно, однажды, когда Юрка пришел из школы домой раньше обычного, потому что заболела учительница, он и правда застал в их комнате в коммуналке мужчину, сидящего за столом. Юра уже почти крикнул «Папа!» но в этот момент из кухни пришла мама с кастрюлей с супом. И лицо у нее вдруг стало таким сконфуженным, будто она положила нечаянно сыну в тарелку пережаренные до угольков котлеты. А потом быстро проговорила:

— Это Владимир... э... Петрович. Познакомься, Юра.

А Юра посмотрел внимательнее на мужчину. Ведь до этого никогда не бывало здесь никаких мужчин. И совсем он оказался непохожим на того парашютиста с фотокарточки. И Юрке вдруг стало так обидно и так стыдно, что он мог ошибиться и назвать этого мужика папой, что он, еле сдерживая слезы, выбежал из комнаты, а потом и из квартиры во двор. Вернулся часа через два, дома не было ни мамы, ни мужика. Мама вернулась вечером, как обычно после работы. Юрка сидел за уроками, и она не стала с ним ни о чем говорить. Но потом, когда он уже лег в кровать за ширмой, она подседа к нему и непривычным тоном провинившейся ученицы спросила:

— Юр, тебе не понравился Владимир Петрович? Ты ведь не успел даже с ним познакомиться.

Юра, отвернувшись к стене, молчал.

— А если бы он стал жить с нами? Может, вы бы подружились, и он бы стал тебе как папа?

— Он мне не папа, — четко и жестоко проговорил почти по слогам Юра. — А если он будет, то я лучше из дома убегу.

Так Нина и не вышла больше замуж. Только, считай, зря развод с Алексеем оформляла. Хотя времена тогда еще были такие, что, может, и не зря.

Даже не надежда эта жила в подсознании Юрия Алексеевича, а просто не складывалось что-то — ну, как так: причина смерти не установлена, не умирают люди без причины. А теперь вот так четко, черным по белому было написано, так что уже не вырубишь топором — расстрел.

Юрий Алексеевич пытался представить себя на месте отца, в такой ситуации. «Как бы я повел себя?» Но вообразить все это было невозможно. Это никак не вязалось с его жизнью. Из военного детства запомнилось, что все время хотелось есть. И как он, послушав указательный палец, стучал им по столу, собирая просыпавшиеся крошки, словно курица клюет пшено. Да, плохо было, голодно, но несмертельно же. Ведь была же мама, которая заботилась о нем и не дала бы умереть. Потом в послевоенной школьно-дворовой жизни, когда мама уже не могла помочь в стычках с пацанами с соседней улицы и в драках на пустыре, были друзья, с которыми стояли спиной к спине. И хотя бывало, что дрались не на шутку, и был тот случай, когда его полоснули ножом, и как тогда испугалась мать, примчавшаяся с работы, но все это было совсем не то, с чем столкнулся его отец.

В фильмах, если герой попадал в плен, то по законам киножанра ему удавалось как-то спастись, поэтому представить себе, что его ведут на расстрел и спасения нет, как наводят на него пистолеты (или все-таки ружья?) и опять ниоткуда не приходит спасение, он просто не мог. Так под эти мысли и перестук колес Юрий Алексеевич и заснул.

Утром, наскоро умывшись, он съел приготовленные ему женой, бутерброды, запивая обжигающим чаем из граненого стакана в мельхиоровом подстаканнике. Сразу с вокзала отправился на метро на Бауманскую. Он подошел к районному отделению загс

минут за пятнадцать до открытия. Перед ним был только один молодой отец, пришедший узнать, как зарегистрировать вчера родившегося сына.

Дверь учреждения открыли ровно в девять. Немолодая женщина, типичный представитель канцелярско-бюрократической системы, посмотрела паспорт Юрия Алексеевича, сказала: «Подождите в коридоре, я вызову». И примерно через полчаса выдала документ.

СВИДЕТЕЛЬСТВО О СМЕРТИ

Гражданин(ка) *Грибов*
Алексей Михайлович
 умер(ла) *16.06.1938 шестнадцатого*
июня тысяча девятьсот
тридцать восьмого года
 в возрасте (*прочерк*) лет, о чем в книге регистрации актов о смерти
 1989 года *июня* месяца *08* числа
 Произведена запись за № *12*
 Причина смерти *Расстрел*
 Место смерти: город (*подчеркнуто*), селение (*Москва*)
 район
 область, край
 республика *РСФСР*
 Дата выдачи *08 июня 1989 г.*

Заведующий отделом (бюро) записи актов гражданского состояния (*подпись*)
 VIII-МЮ № 452016

Юра вышел из загса, а монументальная его представительница забыла забрать старое свидетельство о смерти. Так у него остались на руках два разных подлинника свидетельства о смерти Грибова Алексея Михайловича.

После загса он решительно направился на метро на Лубянскую площадь. И хотя решимость при взгляде на мрачноватое здание уменьшалась с каждым шагом, он все же, дойдя до двери, потянул ее на себя.

Дверь была тяжелая, массивная, деревянная и поддалась не сразу. Но страхи оказались напрасными, и дальше все оказалось, как в обычном учреждении. Его достаточно вежливо спросил дежуривший у входа сотрудник, куда он и зачем. Потом, записав в толстую книгу данные из паспорта, попросил подождать и куда-то позвонил. Вскоре появилась молоденькая женщина в штатском и повела Юрия за собой по длинному коридору, выстланному уже изрядно потоптанным ковром.

- А вы знаете, что совсем недавно по этому делу приходила ваша сестра?
- Как сестра? Какая сестра?

По маминей линии у него была только одна, и то двоюродная сестра, а по отцовской он никого не знал.

— Странно. Я проверю в журнале. Но она точно искала дело Грибова. Вы знаете, мы ведь однофамильцы, — улыбнувшись, сказала она, — поэтому я не могла перепутать.

Пока Юрий Алексеевич листал пухлую папку с подшитыми документами о группе правых в Москве, его однофамилица, полистав журнал, сказала:

— Да, ну вот же, месяц назад — Майя Алексеевна Чижова. Ну, фамилия, конечно, не девичья. Она ваша примерно ровесница.

7 мая 1957 года

На восемнадцатилетие Майи Настя рассказала дочери подлинную историю ее отца вместо выдумки о том, что отец пропал без вести во время войны. Хотя по деревне ходили слухи, что, мол, Настя залетела не пойми от кого — злые языки страшнее пистолета.

Уже начиналась хрущевская «оттепель», уже полным ходом шла реабилитация репрессированных, и оказалось, что таких было немало. Настя рассказала дочке все, не утаила и о том, что у Алексея были жена Нина и сын Юра в Ленинграде, Майя сразу порывалась поехать в Ленинград разыскивать отца, а вдруг, вдруг он теперь, когда стало можно, вернулся к семье — к жене и сыну. Или хотя бы брата увидеть. Но Настя строго-настрого запретила ей это делать.

— Не надо прошлое ворошить. Я не любопытная. Я была счастлива с твоим отцом почти год. Это немало.

Она так и не вышла после Алексея замуж.

Майя настояла на том, чтобы сделать свидетельство о рождении, где в графе отец раньше стоял прочерк, появилась бы запись о ее настоящем папе. А Настя предложила ей и фамилию взять отца.

6 мая 1939 года. 20:40

Схватки начались поздним вечером, а уже через час за полночь бабушка приняла у Насти девочку, не очень крупную, килограмма на три. Та закричала сразу, даже без шлепка.

— Горластая. Молодец девчонка. В обиду себя не даст. Ухажерами вертеть, поди ж, будет.

Настя, слабая после родов, не слушала, что бормотала бабушка, только с облегчением думала: «Ну, вот и все. Вот и родила».

А Алексей, бесполезно выхаживавший по дому из угла в угол все четыре часа, пока шли роды, наконец увидевший дочь, переставшую стонать и кричать Настю, понял, что должен что-нибудь сделать. Люльку для ребеночка он уже смастерил заранее. Но ему хотелось побежать за цветами, хотя бы за цветами.

Алексей шепотом предупредил бабу Соню:

— Я сейчас. Я сейчас вернусь.

— Погодь, — удержала его баба Соня. — Поставь-ка вон корыто на стол. Да воду в кувшин набери и поливай.

Бабушка обмыла девочку, спеленала ее и положила получившийся эклер в блюдечко-люльку.

— У, какая сладенькая, — проворковала баба Соня.

Настя забылась сном. Эклерчик тоже уснул. Бабушка пошла вздремнуть перед ранним подъемом. Скоро уж утро и новый день. А Алексей наконец выбрался из дома.

Проснулась баба Соня, как обычно, в пять утра. Заглянула в спальню — девочки спят. А Алексея нет. «Странно. Уж светло. Куда ж он, беглый каторжник?» Так про себя бабушка называла Алексея.

Еще через два часа проснулся и заплакал эклерчик. Бабушка зашла в спальню и подала дочу только открывающей глаза и еще плохо соображающей после родов Насте.

— К груди приложи, — велела бабушка.

Настя неловко еще без всякого опыта взяла дочку.

— А сколько сейчас, ба?

— Утро вона вовсю. Я уж и у свињи убралась, и козу подоила.

— А какой день сегодня?

— Воскресный день. Седьмое мая.

Эклерчик обхватил Настин сосок мягкими пустыми деснами и зачмокал.

— Мая... — повторила Настя. — Кажется, ей нравится это имя. Назовем ее Майей? Надо бы с Лешей посоветоваться, как ему такое имя. Мы же не думали с ним об именах еще. А где Леша, ба?

— Не знаю. С ночи, как ты родила, он и убежал как шальной. Так и не было его с тех пор.

— Как убежал?

— Да так. Бормотал что-то про цветы. А где он цветы собирался брать в ночи в начале мая? Подснежники, что ль?

Настя заволновалась. День в деревне уже давно начался, и бродить по улице в светлое время Алексею было безопасно.

— Ба.... Где же он может быть?

— Вот уж не ведаю. А то, может, испужалси, увидав малышку. Може, он представлял себе принцессу сразу увидеть, а тут на тебе — красный сморщенный комочек.

— Да ну что ты говоришь!

— А что? Мужчин с этим делом не разберешь. А вдруг сбеж твой Алеша?

Алексей не вернулся ни следующей ночью, ни через неделю, ни через месяц...

25 мая 1989 года

Юра наконец нашел страницу с приговором. Три пожелтевших машинописных листка. Фиолетовые чернила. «...Заседание... следственные действия... постановил... приговорить...» Буквы прыгали и расплывались перед глазами, которые сами собой наполнили невольные слезы. Умирала жившая до тех пор надежда увидеть отца, обняться с ним, почувствовать, как отцовские ладони похлопывают его по спине...

Юра даже не сразу обратил внимание на выделявшийся на фоне пожелтевшей бумаги белый листок, сложенный вчетверо и вложенный между страницами дела. Он сначала машинально отодвинул его, чтобы не мешал читать, но потом развернул.

Юра (*зачеркнуто*). Юрий Алексеевич, я верю и надеюсь, что однажды вы (*зачеркнуто*) ты придешь сюда. Верю, что это произойдет. Меня согревает мысль, что где-то в Ленинграде живет мой брат, брат по отцу. Так же, как и ты, я ни разу не видела его. У меня есть только рисунок, который сделала мама. Я надеялась, что в деле есть хоть одна папина фотокарточка. Детективных фильмов насмотрелась. Но тут в те времена не делали фотографий. Зачем им было их фотографировать, если они просто отправляли их на убой, как животных на ферме. Я взяла с собой мамин рисунок. Я много раз сама, глядя на него, рисовала отца. Поэтому сейчас нарисую его здесь еще раз.

Твоя сестра Майя Алексеевна Чижова (Грибова)

Дальше шел карандашный рисунок. Юрий Алексеевич достал из кармана потерятое портмоне и извлек из него маленькую фотографию, как на паспорт, красивого мужчины с волевым лицом и значком парашютиста на лацкане и положил ее рядом с рисунком...